

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР
ПЕРВЫЙ РЯД

ДЭВИД
СОЛОЙ
ТУРБУЛЕНТНОСТЬ

Москва
2020

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
С60

David Szalay
TURBULENCE

Copyright © 2019 by David Szalay
This edition published by arrangement with United Agents LLP
and The Van Lear Agency LLC

Перевод с английского *Дмитрия Шепелева*

Разработка серии и оформление обложки:
Александр Кудрявцев, студия графического дизайна
«FOLD & SPINE»

В коллаже на переплете использована иллюстрация:
© MicroOne / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Солой, Дэвид.

С60

Турбулентность / Дэвид Солой ; [перевод с
английского Д. Шепелева]. — Москва : Эксмо,
2020. — 160 с. — (Интеллектуальный бестселлер.
Первый ряд).

ISBN 978-5-04-105843-2

Двенадцать человек, путешествующих по свету, двенадцать разных жизней в моменты кризиса.

В этой проникновенной и глубоко волнующей череде историй герои Дэвида Солоя перемещаются по всей земле в двенадцати самолетах — из Лондона в Мадрид, из Дакара в Сан-Паулу, в Торонто, в Дели, в Доху, чтобы увидеть своих любовников и родителей, детей, братьев и сестер.

Солой искусно демонстрирует цепную реакцию, которую действия человека, независимо от его положения, вызывают в окружающих людях, подводя нас к вопросу о нашем собственном месте в обширной и тонко взаимосвязанной сети человеческих отношений в мире, в котором мы живем.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-105843-2

© Шепелев Д., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Посвящается Т и Б

1

LGW — MAD¹

¹ Гатвик — Мадрид. — *Здесь и далее прим. пер.*

ПО ПУТИ из больницы домой она спросила его, хочет ли он, чтобы она осталась.

— Нет, я буду в порядке, — сказал он.

Позже, тем же вечером, она спросила еще раз.

— Я буду *в порядке*, — сказал он. — Ты лети домой. Я посмотрю рейсы.

— Ты уверен, Джэми?

— Да, я уверен. Я посмотрю рейсы, — повторил он, глядя на экран ноутбука.

Она стояла у окна, глядя на улицу безрадостным взглядом. Этот вид на виллы Ноттинг-Хилла с голыми деревьями казался ей теперь таким знакомым. Она пробыла здесь, в квартире сына, больше месяца, пока он был в больнице. В январе у него выявили рак простаты и прописали несколько недель лучевой терапии в больнице Святой Марии. После этого врач сказал, что нужно подождать месяц, а потом пройти сканирование, чтобы понять, помогло ли лечение.

— Есть один на завтра, в пятом часу вечера, — сказал он ей. — В Иберию. Из Гатвика в Бараксас. Подходит?

Она думала про себя, не отправиться ли в путь поездом и паромом. Но потом сказала себе не глупить. Она понимала, что бояться летать — это глупо. Статистика говорит сама за себя.

— Да, — сказала она, — подходит.

Она снова обернулась и оглядела гостиную. Джэми сидел на диване, склонившись боком над ноутбуком, что-то печатая. Он прожил в этой квартире не одно десятилетие, с двадцати с чем-то лет, всю свою взрослую жизнь. Ей подумалось, что в его нежелании переезжать было что-то невротическое. Сейчас ему было за пятьдесят, и ей это казалось странным. Она по-прежнему воспринимала его как молодого человека.

— Окей, — сказал он, закрывая ноутбук, — с этим разобрались.

И она подумала, как легко в эти дни можно заказать билет на самолет и отправиться в кругосветное путешествие.

Он настоял на том, чтобы проводить ее в аэропорт. Они сели на Гатвик-экспресс, доехали, почти не разговаривая, и расста-

лись у пункта досмотра. Она расплакалась, что было непохоже на нее. Через минуту, стоя в неровной очереди на досмотр, она обернулась, надеясь увидеть его. Но его уже не было, и у нее возникло чувство, словно она видит будущее, в котором он умрет от этой болезни меньше чем через год. Ее бросило в дрожь, и руки ее не слушались, когда она складывала в большой контейнер вещи и снимала туфли.

Сразу после досмотра она направилась в один из этих псевдопабов в зале ожидания и заказала «Кровавую Мэри».

Она выпила вторую «Кровавую Мэри», прежде чем объявили ее рейс, и поднялась и пошла к выходу на посадку. Идти оказалось неблизко. Когда она пришла, там уже выстроилась внушительная очередь — она подумала, что столько человек просто не поместится в самолет. Она задумалась, не придется ли кому-то остаться. Но никто не остался. Она села у иллюминатора. Свет заходящего солнца лежал на сером асфальте. Самолет начал движение.

Затем остановился.

Казалось, он тоже движется в очереди — последовательными рывками, тихо тарахтя двигателями, находившимися за пределом ее видимости.

Вся эта тягомотина почти усыпила ее, когда из кабины прорезался голос пилота, пробормотавший: «Приготовьтесь к взлету».

И тогда, несмотря на выпитую водку, она ощутила страх, разраставшийся в ней вместе со звуком двигателей, набиравших обороты хорошо различимыми темпами — сперва на одной громкости, потом на другой, пока она вжималась в кресло, глядя на надежный мир, оставшийся за окошком. В такой момент ей никогда по-настоящему не верилось, что самолет взлетит. Каждый раз она не могла не думать: «Ему давно уже пора было взлететь, что-то точно не так» — и поэтому всегда испытывала удивление; это всегда так сильно удивляло ее, когда нос самолета отделялся от взлетной полосы и самолет преодолевал земное притяжение — или, точнее, ей казалось, что это Земля проваливается куда-то.

Сассекс уже остался где-то внизу, голубоватое стеганое одеяло в сумерках.

Откуда-то доносилось тихое жужжание.

Она не могла понять, приятен ей этот звук или нет. Она задумалась, что он означает. Хотя он как будто говорил, что все идет нормально, и, скорее всего, ничего не значил.

Она огляделась, словно удивляясь, что она еще жива, и впервые заметила мужчину на соседнем сиденье.

Он сидел неподвижно, опустив сцепленные руки на колени, уставившись прямо перед собой. Возможно, он тоже пытался побороть страх.

Она собиралась в какой-то момент попросить его передвинуться.

Как только погасло табло, призывавшее пристегнуть ремни безопасности, она повернулась к нему и сказала:

— Извините.

Она старалась говорить по-доброму и погромче — удивительно, как громко приходится говорить, чтобы тебя услышали сквозь шум.

Так и есть, мужчина посмотрел на нее в недоумении, словно не имел ни малейшего понятия, что ей нужно.

— Извините, — повторила она.

Как неловко ему пришлось перелезть через пустое кресло, чтобы выпустить ее. И она подумала, сама перелезая через кресло, почему бы ей просто не *занять* кресло у прохода, раз там никого нет — тогда бы им обоим стало просторней.

Когда же сосед снова уселся на среднее место, она отметила, что ее раздражает его бестолковость. Она даже подумала предложить ему пересесть, и у нее в уме сложилось

предложение: «Нам обоим было бы удобней, если бы вы пересели туда». Улыбнувшись ободряюще, она вполне могла бы сказать что-то подобное в такой ситуации. Но сейчас она забеспокоилась, что этот человек мог услышать в ее словах некий предубеждение — некий расовый предубеждение, — и этого было достаточно, чтобы она не стала просить его. Она не считала себя расисткой, но ей было трудно сказать наверняка, отчего она теряла уверенность в подобных ситуациях. Она подумала, не заговорить ли с ним. Он не был похож на англичанина. Те несколько слов, что он сказал ей, пока они протискивались бок о бок в проходе, прозвучали как будто с французским акцентом.

И в любом случае, он сам казался слишком задумчивым, погруженным в свои мысли, в чем бы они ни заключались.

Позвякивая еле слышно — тихий металлический перезвон над ревом двигателей, — по проходу приближалась тележка.

Она размешала самолетную «Кровавую Мэри» пластиковой палочкой. Урчание двигателей накатывало медленными ритмичными волнами. Она ощутила воздействие водки. Ткань мира, туго натянутая, как будто ослабилась. Ее разум обрел относительную

власть над ним — ее мысли стали казаться чем-то реальным. К примеру, смерть сына представилась ей в таких отчетливых образах, что у нее потекли слезы. Она повернулась к окошку и не увидела там ничего, кроме своего лица в темном пластике текущего момента, глубоко затененного, как ландшафт на закате. Она представила себя после его смерти, как она избавляется от всех вещей в его квартире: как снимает все с полок, все эти вещи, которые он так упорно хранил столько лет. И в этот момент по самолету прошла первая качка. Почему она ненавидела даже легкую турбулентность, это потому что тут же пропадала иллюзия безопасности и было невозможно притворяться, что она находится в каком-то надежном месте. У нее получилось — спасибо водке — более-менее игнорировать эту первую качку. Игнорировать следующую оказалось труднее, а затем тряхнуло так, что ее сосед уронил свою колу на колени.

И тогда снова раздался голос пилота, проговоривший ужасающе серьезным тоном:

— Экипаж самолета, займите свои места.

Когда это кончилось и повисла жутковатая тишина, она открыла глаза и встретилась взглядом с мужчиной, сидевшим рядом. Его